

DOI: 10.31862/0130-3414-2021-5-19-29

П.А. Гончаров¹, В.А. Щербакова²¹ Мичуринский государственный аграрный университет,
393760 г. Мичуринск, Тамбовская область, Российская Федерация² Заворонежская средняя общеобразовательная школа,
393749 с. Заворонежское, Тамбовская область, Российская Федерация

«Неистребимая любовь к родной земле»: элементы структуры образа Сибири в повестях В.П. Астафьева «Перевал» и «Стародуб»

Аннотация. Цель исследования – характеристика элементов структуры образа Сибири в ранних повестях В.П. Астафьева. Актуальность обусловлена высоким интересом литературоведов, критиков, читателей к художественному наследию писателя, необходимостью изучения периода становления жанрово-стилевой системы прозаика. На материале первых оригинальных повестей («Перевал», «Стародуб») исследуется пафос творчества Астафьева рубежа 1950–1960-х гг., обусловленный усиливающейся с годами любовью писателя к родной земле, его трепетным отношением к природе, к сибирякам. Формулируется и аргументируется положение о том, что образы, связанные с Сибирью (сибиряк, тайга, Енисей, сибирская деревня), заявляют о себе в этих повестях и с течением времени становятся константами всего творчества Астафьева. Уточняется и конкретизируется важное для изучения творчества писателя представление о «сибирском характере». В качестве главных элементов обобщенного образа Сибири рассматриваются Илья и Култыш, представляющие собой тип юного сибиряка, в характере которого Сибирь, тайга, река, наставники формируют необходимые качества. Раскрывается и аргументируется связь ранних повестей писателя с предыдущими и последовавшими за ними произведениями («Последний поклон», «Кража», «Пастух и пастушка», «Царь-рыба» и др.). Робинзонада как главный элемент сюжета «Перевала» интерпретируется в качестве основы композиции повестей «Стародуб», «Царь-рыба», рассказов «Васюткино озеро», «Карасиная погибель» и др. Доказывается положение о том, что символическая образность «Пастуха и пастушки», «Царь-рыбы», некоторых других произведений Астафьева обязана своим рождением повестям рубежа 1950–1960-х гг. Центральный образ стародуба интерпретируется в качестве символа тайги-кормилицы и сибирской природы в целом, как символ святости главного героя, любви Култыша к Клавдии, неразрывной связи Сибири с исторической Россией. Высказывается предположение о воздействии на идеологию произведений Астафьева доминирующего в тот или иной период отечественной истории общественно-политического дискурса.

Ключевые слова: образ Сибири, повести В.П. Астафьева, структура художественного произведения, сибирский характер, природный герой, «Перевал», «Стародуб»

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Гончаров П.А., Щербакова В.А. «Неистребимая любовь к родной земле»: элементы структуры образа Сибири в повестях В.П. Астафьева «Перевал» и «Стародуб» // Литература в школе. 2021. № 5. С. 19–29. DOI: 10.31862/0130-3414-2021-5-19-29

DOI: 10.31862/0130-3414-2021-5-19-29

P.A. Goncharov¹, V.A. Shcherbakova²

¹ Michurinsk State Agrarian University,
Michurinsk, Tambov region, 393760, Russian Federation

² Zavoronezhskaya school,
Zavoronezhskoye village, Tambov region, 393749, Russian Federation

“Indestructible love for the native land”: Elements of the structure of the image of Siberia in V.P. Astafyev’s novels “The Pass” and “Starodub”

Abstract. The study aims to characterize the elements of the structure of the image of Siberia in the early stories of V.P. Astafyev’s. The relevance is due to the high interest of literary critics, critics, and readers to the artistic heritage of the writer, as well as to the need to study the period of forming the genre-style system of the prose writer. Based on the material of the first original stories (“The Pass”, “Starodub”), the author examines the pathos of Astafyev’s work at the turn of the 1950s–1960s, determined to the writer’s increasing love for his native land, his reverent attitude to nature, to Siberians. The position is defined and reasoned that the images associated with Siberia (a Siberian, taiga, the Yenisei, a Siberian village) declare themselves in these stories and over time become constants of Astafyev’s entire work. The idea of the “Siberian character”, which is important for the study of the writer’s work, is clarified and specified. As the main elements of the generalized image of Siberia, Ilka and Kultysh are considered. They represent the type of a young Siberian, in whose character Siberia, taiga, the river, and mentors form the necessary qualities. The connection of the writer’s early novels with the previous and subsequent works (“The Last Bow”, “Theft”, “The Shepherd and the Shepherdess”, “The Tsar-fish”, etc.) is revealed and grounded. The robinsonade as the main element of the plot of “The Pass” is interpreted as the basis for the composition of the stories “Starodub”, “The Tsar-fish”, the stories “Vasyutkino Lake”, “Crucian Perdition”

and others. The article proves the position that the symbolic imagery of “The Shepherd and the Shepherdess”, “The Tsar-Fish”, and some other works of Astafyev’s owes its birth to the stories of the turn of the 1950s–1960s. The central image of starodub the flower is interpreted as the symbol of the taiga-nurse and Siberian nature in general, as the symbol of the holiness of the main character, Kultysh’s love for Claudia, the inseparable connection of Siberia with historical Russia. An assumption is made about the influence of the socio-political discourse dominating in this or that period of the national history on the ideology of Astafyev’s works.

Key words: the image of Siberia, the stories of V.P. Astafyev’s, the structure of a piece of fiction, Siberian character, a natural hero, “The Pass”, “Starodub”

CITATION: Goncharov P.A., Shcherbakova V.A. “Indestructible love for the native land”: Elements of the structure of the image of Siberia in V.P. Astafyev’s novels “The Pass” and “Starodub”. *Literature at School*. 2021. No. 5. Pp. 19–29. (In Rus.). DOI: 10.31862/0130-3414-2021-5-19-29

Сибирь – один из центральных, основополагающих образов многих произведений русской прозы XX в., всей сибирской литературы. Этот образ стал основой структуры и наиболее яркого произведения В.П. Астафьева – «повествования в рассказах» «Царь-рыба» [8, с. 124]. Но явление этого образа не было для писателя феноменом внезапным, неожиданным, одномоментным. Оно готовилось предшествующим его творчеством, закладывалось в «Перевале», «Стародубе», в других произведениях. Сибиряк, тайга, Енисей, сибирская деревня, верная традициям семья – эти образы представляют собой своеобразные константы всего творчества Астафьева.

Для нас важным представляется замечание, связанное с самой институализацией понятия «сибирский характер». По мнению авторов монографии «Сибирский характер как ценность», «определение “сибирский” содержит региональную, субэтническую номинацию, которая является частью понятия “национальный

характер”» [12, с. 93]. Поэтому оговоримся, что под «сибирским характером» мы имеем в виду сформировавшуюся и весьма устойчивую разновидность русского характера, инвариант характера национального.

В заявке на издание книги повестей в Красноярском книжном издательстве Астафьев так определяет своего героя: «Мне хотелось бы включить в сборник повести “Перевал”, “Последний поклон”, “Кража”, “Пастух и пастушка” – они как бы вытекают одна из другой, продолжают друг друга во времени и сюжетном развитии, а герои повестей от детских лет проходят до годов военных, т.е. их рост, возмужание свершаются от повести к повести, и хотя они, герои эти, разны по именам и по характерам, объединяет их неистребимая любовь к родной земле, к людям, научившим слышать и видеть все вокруг и платить за любовь, подаренную им добрыми и суровыми сибирскими людьми, единственной неразменной платой – ответной бескорыстной любовью» [11, с. 30–31].

В той же заявке В.П. Астафьев, пренебрегая канонами бюрократического жанра, так определяет свое отношение к Сибири: «Будучи родом из Сибири, из-под Красноярска, я волею судеб вынужден был жить и живу вдали от родного края, однако любить его не перестаю и с годами даже еще больше тоскую по нему. Собственно, из этой тоски, из глубин памяти и возникло большинство сюжетов моих повестей и рассказов» [11, с. 30].

В первоначальном виде «сибирский “извод” общерусского типа» [12, с. 94] присутствует уже в первой повести Астафьева «Перевал»: Трифон Летяга, дядя Роман, Дерикруп, Исусик, «братаны» Гаврила и Азарий, Сквородник. Не все семеро сплавщиков, встреченных Илькой Верстаковым на горной сибирской реке, являются «коренными» сибиряками, «чалдонами». Здесь собрался «разношерстный народ», связанный с «потревоженным гражданской войной, сдвинутым с родных мест разрухой и голодом населением» [1, т. 2, с. 54]. Эта пестрота происхождения плотогонов отражает специфику миграции населения Сибири в XX столетии. Но практически все они наделяются автором смелостью, широтой души, состраданием к обездоленным, трудолюбием, врожденным тактом.

Их трудолюбие и смелость заключены в риске погибнуть на горной реке Маре (в этом гидрониме легко увидеть реальный приток Енисея – Ману), в тяжелых условиях физического труда плотогонов. Их широта души очевидна в радушии, с которым они берут в попутчики мальчишку-сироту. Широта их души изображена писателем и в сцене «гулянки»

всей бригады по случаю «получки» и встречи с «баркасом», и в сцене прощания с Илькой, когда они «скидываются» ему на «зарплату». Их такт – по видимости вовсе не свойственный для простых «работяг» – позволяет им включить в свою бригаду строптивного Ильку, не задев его сиротского самолюбия. Их сострадание к обездоленным, вероятно, связано и с давним сибирским обычаем на ночь оставлять для беглых и бродяг в пределах подворья «харч». Так, С. Максимов задолго до Астафьева свидетельствовал: «В этих деревнях и селах милостынею несчастенькому обязывает себя всякая домовитая и сердобольная хозяйка, выставляя за окно на улицу на особой полочке первый подвернувшийся под руку харч и хлеб в достатке. Пропадет этот хлеб и харч с окна и полочки – хозяйка сотворит благодарственную молитву, крест на себя положит и опять поищет остатков и выставит за окно новую и свежую провизию. Так ведется дело искони и по всем спопутным для бродяг деревням не только в Сибири, но даже и кое-где в России» [10].

Своеобразным «исключением» в этом коллективном образе сплавщиков оказывается Исусик, поминутно вспоминающий о Боге, но живущий вопреки Христовым заповедям о любви к ближнему. «Есть у бабушки икона, на которой изображен какой-то святой, ровно с этого срисован. Бледное узенькое личико, острый нос, тоненькие бескровные губы с горестными складками в углах рта и голубенькие глазки. Только на иконе глаза большие, невинные, а у этого маленькие, глубоко провалившиеся и какие-то подозрительные» [1, т. 2, с. 45]. Портретное сходство со святым компрометируется здесь «подозрительными»

глазами персонажа, а в сюжете повести еще и его жадностью, суевериями, трусостью. Однако присутствие этого персонажа в повести равно значительной роли в ее структуре «гулевого» отца Ильки, бранчливой мачехи и других. Он выполняет важную функцию контраста при изображении сибиряков, симпатичного для прозаика плана и типа.

Благодаря бригаде сплавщиков Илька Верстаков возвращается к бабушке и дедушке, обретает веру в людей и в свои силы. В повести Илька Верстаков оказывается и «главным» сибиряком. Он лишился матери, отец не может его ограждать от лишений сиротства. Поэтому функции «воспитателя» складывающейся личности подростка неожиданно берут на себя внешне огрубевшие сплавщики. Помощником, суровым, но щедрым помощником и им, и Ильке Верстакову, оказывается сибирская природа: богатая ягодой тайга, полная рыбой река Мара. Образ Сибири в этой повести еще не полностью сложился (Илька, сплавщики, река Мара и обступившая всех тайга), но способы создания этого образа, его детализация получают развитие в других произведениях писателя.

«Только поздней ночью затихают хлопки и всплески. И тогда явственно слышно, как дробно рассыпаются брызгами ключи, выбегающие из скал на верхних навесах, яростно клокочет Ознобиха и ворчит заброшенная камнями, непокорная Мара» [1, т. 2, с. 85]. Метафорические эпитеты «яростно», «непокорная», отнесенные к «разнохарактерным» сибирским рекам, в равной степени могут быть отнесены и к Ильке, и к сплавщикам, демонстрируя свою антропоморфность и причастность к обобщенному

метагеографическому образу Сибири в целом. Продолжение и завершение наметившейся тенденции последует в зрелых и поздних главах «Последнего поклона», в «Царь-рыбе», в других произведениях.

Астафьевская Сибирь в повести «Перевал» – край, вздыбленный новостройками, хотя по-прежнему малонаселенный, привычный для сибиряков, но экзотический для приехавшего с юга Дерикрупа. Неслучайно именно сплавщик Дерикруп, после обнаружения на речном острове Ильки, именуется Робинзоном. Многочисленные робинзонады героев Астафьева («Васюткино озеро», «Стародуб» «Карасиная погибель», «Царь-рыба») связаны со странствиями юного «робинзона»-сибиряка Ильки Верстакова.

«Все взял Илька, все предусмотрено, как человек бывалый, сызмальства привычный работать на покосе, ходить по ягоды и на рыбалку, а вот котелок забыл. Забыл и только. Хватился, когда понадобилось похлебку варить, а котелка нет. Беда? Да нет, не большая, напек картошки в золе, пескарей нажарил на палочке и с хлебом съел. Житуха!» [Там же, с. 25]. С оригинальной ловкостью Илька ловит рыбу для сплавщиков; наученный мастерски ходить по реке на лодке с шестом, он спасает тонущего сплавщика. Илька представляет собой в «Перевале» главный элемент обобщенного образа Сибири – тип юного сибиряка, в характере которого складываются необходимые качества: трудолюбие, неприхотливость, умение выживать в самых суровых условиях.

В.П. Астафьев не обходит в повести и расхожие представления о Сибири как месте обитания бывших

и настоящих «каторжников». Его отец отбыл наказание. Что касается самого юного героя, то его причастность к «каторжанцам» (как преступному типу) автор-рассказчик не отрицает категорически: «Остальные жительницы поселка тоже не любят мачеху, перемывают ей косточки, но в случае скандала всегда принимают ее сторону и во всем винят Ильку. Видимо, Илькина непокорность, его бунт против мачехи – вызов им» [1, т. 2, с. 15]. Илька несет в себе значительные черты автобиографичности. В основе повести оказался действительно имевший место эпизод в жизни будущего писателя. В автобиографии Астафьев пишет: «В 1934 году, построив великий канал, папа возвратился из заключения, начал гулять и активно свататься, в деревне Бирюсе охмурил он молодую, красивую деваху из большой семьи Черкасовых, Таисью Ивановну, и быстренько сотворил ей младенца, которого без мудростей назвали Николаем. Хватили бед и горя, и мачеха моя, и младенец Коля, и я вместе с ними. В повести “Перевал” почти с точностью описана первая зима, проведенная боевой семейкой в поселке Сосновка, в повести переименованном в Шипичиху» [5, с. 5]. В этом же ряду находится и описание гибели матери Ильки, носящей созвучное с прототипом (Лидия) имя Лизаветы.

Таким образом, Илька, благодаря такому своему «происхождению» (мальчишка родом из сибирской деревни Увалы, отправляющийся со сплавщиками к «дедушке и бабушке» и одновременно герой во многом автобиографический, «восходящий» к автору повести, сибиряку по рождению и духу) оказывается сибиряком «дважды». В главном герое «Перева-

ла» Ильке можно увидеть не только автобиографические детали, но и свойства персонажей других произведений: любовь и привязанность к дому бабушки и деда главного героя «Последнего поклона», умение ладить с дикой природой автора-рассказчика и Акима в «Царь-рыбе», неубиваемую волю к жизни «Веселого солдата», сибирские основы жизнестойкости Коли Рындина и Лешки Шестакова из последнего романа Астафьева. Но эволюционно ближе всех к Ильке стоит Култыш из повести «Стародуб». Есть значительные основания предполагать, что и в антигерое «Перевала», в Исусике, если анализировать этот образ в контексте последующих произведений Астафьева, помимо композиционно контрастной функции образа, имеют место своеобразные подступы к обобщенному образу псевдостарообрядцев из повести «Стародуб».

Анализируя начало «сибирского вектора» характерологии Астафьева, авторы специального, посвященного образу Сибири, исследования отмечают, что «свое оригинальное продолжение он получил в повести “Стародуб”» [8, с. 9]. Здесь будут уместными и замечания о том, как Астафьев усиливал сугубо сибирские детали, перерабатывая первый вариант повести. В первом варианте «кержацкая деревня Вырубы» располагается «по реке Зырянке» [1, т. 2, с. 344]. И хотя в Сибири есть географические пункты с таким названием, тем не менее это название у жившего в ту пору на Урале писателя, вероятно, косвенно ассоциировалось с этнонимом «зыряне» – обитателями Урала. В трансформированном варианте повести гидроним Зырянки превращается в иное – Онья. На карте Сибири

имеет место река Верхнее Оньё, протекающая через Витимское плоскогорье, расположенное в Забайкалье. Знал ли о нем писатель – вопрос риторический. Но ясным оказывается отказ писателя от явных ассоциаций с Уралом, его стремление перенести действие повести на восток, по одному из основных векторов бегства «от мира» старообрядцев. Это не мешает писателю, однако, ассоциировать Вырубь с «верховскими жителями» – так в Енисейской Сибири именуют жителей верхнего течения Енисея, гористого юга Красноярского края.

Изменения в последнем варианте «Стародуба» коснулись и имен персонажей. В первом варианте антигерой, принадлежащий к общине старообрядцев, носит имя Никон. Это, видимо, не вполне согласовывалось с осознанием писателем того факта, что патриарх Никон в истории православия является одним из яростных гонителей сторонников «старого обряда». Поэтому персонаж получает вполне нейтральное имя Амос («нагруженный», «несущий ношу», один из двенадцати библейских «малых пророков») [6].

В первоначальном варианте повести упоминается жена Фаефана и мать Никона – «лютая староверка». В окончательном варианте кержакская уставщица Мокрида оказывается обобщенным образом хитрости, лицемерия и бесчеловечности, композиционным антиподом Фаефана и Клавдии. Вероятно, этот персонаж отражал характерное для мировосприятия Астафьева конца 1950-х гг. недоверие не только к религиозному ханжеству, но и к раскольничьему сектантству, столь характерному для Севера и Сибири.

Наиболее ярким отражением сибирского вектора в поиске «своего»

героя в повести «Стародуб» оказываются Фаефан и «парные» персонажи, составляющие своеобразную бинарную оппозицию в структуре повести: приемный и родной сыновья Фаефана: Култыш и Амос. Фаефан – одинокий охотник, знающий, любящий и понимающий тайгу. В его судьбе живы отголоски представлений о Сибири как месте обитания каторжников. Но в истории и характере своего «каторжанца» писатель подчеркивает безусловно симпатичные черты и свойства: Фаефан попадает на каторгу за убийство жестокого унтера, издевавшегося над молодым солдатом. «Фаефан на глазах у всей роты всадил унтер-офицеру штык по самое дуло винтовки» [1, т. 2, с. 117]. Фаефан «ни старой, ни новой веры» не принимал [Там же]. В этом замечании писателя очевидно явное отсутствие симпатий к старообрядчеству, которое с течением времени в «Царь-рыбе», а затем в романе «Прокляты и убиты» будет преодолено. Более того, в автобиографии писатель будет подчеркивать свою причастность (родовую) к «старой вере»: «По деревенскому преданию, мой прадед Яков Максимович Астафьев (Мазов) пришел в Сибирь из Каргопольского уезда Архангельской губернии со слепую бабушкой как поводырь. Происходил он из старообрядческой семьи» [2, с. 2].

Педалирование жестокости вырубовских старообрядцев, готовых якобы и на человеческие жертвоприношения, хронологически восходит ко времени хрущевской кампании по борьбе с религией и церковью. Обусловленные временем и общественной конъюнктурой «отклики» на разного рода политические «кампании» и до, и после «Стародуба» имели место в прозе писателя:

«сентябрьский пленум ЦК» в романе «Тают снега», открытый негативизм в адрес фронтовых политруков и комиссаров вслед за аналогичным дискурсом «средств массовой информации» 1990-х гг. в романе «Прокляты и убиты».

Но, несмотря на свое внешнее неприятие любой веры, именно Фаефан оказывается единственным человеком, который дважды спасает от смерти Култыша. По мысли писателя, «таежный закон», в соответствии с которым дорога жизнь каждой живой «твари», при его распространении на сообщество людей и оказывается началом справедливого и человеколюбивого жизнеустройства. Фаефан учит этому таежному закону Култыша, видя в нем, а не в родном сыне Амосе, своего преемника.

Вместе с тем, отрицая свою общность с псевдостарообрядцами, Фаефан помнит и учит Култыша сохранять память о первопоселенцах Сибири, об их связи с Россией. «Стародуб! – непривычно мягко произнес Фаефан и рассказал приемышу о том, как в давние-давние годы появились в этих краях суровые, ни перед чем не гнущиеся, стойкие люди. Они пришли оттуда, где росли дубы, где росли яблони, груши, вишни <...> Они всему дали свои названия, и самый целебный и красивый цветок назвали в честь любимого дерева – дуба. Так цветок этот, желтый и духмяный, сделался неумирающей памятью о родном, навсегда потерянном крае» [1, т. 2, с. 120]. Стародуб в повести Астафьева выполняет несколько функций, родственных символу. Это символ тайги-кормилицы, символ любви Култыша к Клавдии, символ святости «Тита безродного» (так именуется Култыша мать Мокрида),

но благодаря истории, рассказанной Фаефаном, образ стародуба приобретает черты образа, символизирующего связь Сибири с исторической Россией. Символика – неотъемлемая часть поэтики зрелого Астафьева. Но успешные подступы к ней намечены в его прозе рубежа 1950–1960-х гг., в частности, в повести «Стародуб».

В складывающейся характерологии Астафьева «суровые, ни перед чем не гнущиеся, стойкие люди» – это и первопоселенцы Сибири, и охотник Фаефан, и его «приемыш» Култыш. Тайга для них не просто дикий непроходимый лес, а «великая сотворительница тайга», наделенная едва ли не божественной силой. После предательства и смерти Амоса, Култыш убежден, что «таежный закон существует не для всех <...> Да и нет, видно, на свете таких законов, которые оградили бы человека от бед и напастей» [Там же, с. 177]. Фаефан и Култыш родственны и предшествуют Акиму и автобиографическому персонажу «Царь-рыбы», другим героям зрелого В.П. Астафьева.

Однако в «Стародубе» в целом и в деталях создается и образ «страшного человека», полного корысти, браконьерского отношения к тайге, природе. Его присутствие в мире лицемерно-ханжеских, жестоких Вырубов даже более закономерно и логично, чем обитание в нем Фаефана и Култыша. Корыстолюбие, презрение к законам тайги, заветам отца и христианским заповедям руководят поступками Амоса. Эти же свойства Амоса становятся и причиной его гибели в тайге. Култыш боготворит «таежный закон», но и он умирает одиноко в тайге. Култыш и Амос представляют собой два равносильных, но по-разному оцениваемых

писателем типов сибиряка. От того, кто из них и что возобладает в полной противоречий таежной жизни, по мысли писателя, и зависит судьба Сибири.

Помимо полного разного рода символики цветка стародуба, повесть содержит еще несколько образов, развитие, переосмысление, трансформация которых приведет зрелое творчество писателя к открытиям в области поэтики: тайга, корова-маралуха, речка Серебрянка. Тайга в «Стародубе» не только «великая сотворительница», когда-то добрая, когда-то равнодушная, когда-то воздающая за грехи человеческие. В ней, по мысли Астафьева, заключена сущность, равная человеческой и божественной. Оскорбленный напрасными обвинениями в гибели брата, Култыш в рамках своего понимания и речевого образа так объясняет единую сущность человека и природы: «Чего у меня в горсти? Чего? – настойчиво совал он руку мужикам, и они пятились от него, будто держал он в руке порох, который уже вспыхнул и вот-вот рвануть должен. – Что, я вас спрашиваю? – не унимался Култыш и, заикаясь, как в детстве, сам себе ответил: – З-земля! А вы откуда взялись? Из земли! А тайга откуда взялась? Из з-земли! Так почему же татями живете на ней и боитесь ее, как мирового судьи?» [1, т. 2, с. 178]. Интересно, что в первом варианте повести, в этом же эпизоде, тайга именуется «родительницей», «матушкой», «кормилицей» [Там же, т. 13, с. 406]. Видимо, в окончательном варианте эти метафорические эпитеты подверглись аннигиляции, чтобы убрать излишний пафос и дидактичность обращения Култыша к вырубчанам. Характерно, что эти изменения были произведены

одновременно с сокращением всего «современного» плана повести, все ее действие оказалось отнесенным к отдаленному прошлому.

В относящейся к 1970-м гг. «Царь-рыбе» (глава-рассказ «Капля») занемогшему брату автобиографического героя тайга видится в родственном, но несколько ином качестве, демонстрирующем суровую сдержанность и самоиронию персонажа-сибиряка: «Тайга-мама заманила, титьку дала – малец и дорвался, сам себе язык откусил» [Там же, т. 6, с. 53]. Тайга-«сотворительница», «родительница», «матушка», «кормилица» трансформируется в прозе Астафьева в лаконичный образ «тайги-мамы». Начало этой эволюции положено «Стародубом», в первом варианте которого образ тайги прописан с излишним пафосом и открытой назидательностью. В связи с этим становится объяснимым посвящение последнего варианта Л. Леонову: образ тайги оказывается здесь по функции и смысловому наполнению близким к символическому образу «русского леса».

Мифологически и метафорически сформулированная Култышом единая сущность человека и сибирской природы, тайги нашла в «Стародубе» и иное выражение. И речка Серебрянка, и корова-маралуха в представлении поправшего таежный закон Амоса видятся ему мифологическими существами, отмщающими браконьеру за совершенное надругательство: «Подлая штука, этакая речка – лесная колдунья. Бежит себе по тайге, заманивает, а потом раз – и нету!»; «Завела! Завела-а-а! Оборотень – не корова!» [Там же, т. 2, с. 166]. Истоки мифологического Енисея, кормильца и погубителя, амбивалентных образов

«царь-рыбы», шаманки, едва не погубивших сибирских искателей «фарта», находятся, конечно, в русской мифологии, в фольклоре, но обнаруживают себя в «Стародубе», в деталях складывающегося уже в этой повести образа Сибири.

Таким образом, сибиряк как инвариант русского национального характера, тайга, сибирские реки и селе-

ния, другие элементы структуры составляют основу сложного метагеографического образа Сибири в повестях «Перевал» и «Стародуб». «Неис требимая любовь к родной земле» как определившаяся стратегия создания и осмысления этого образа найдет свое развитие и продолжение в зрелом и позднем творчестве В.П. Астафьева.

Библиографический список

1. Астафьев В.П. Собрание сочинений: В 15 т. Красноярск, 1997–1998.
2. Астафьев В.П. Расскажу о себе сам // День и ночь. 2004. № 1–2. С. 2–7.
3. Астафьев В.П. Все му свой час. М., 1985.
4. Астафьев В.П. Всечеловеческая беда // Слово. 1992. № 9. С. 17–18.
5. Астафьев В.П. Твердь и посох: переписка 1962–1967 гг. Иркутск, 2005.
6. Вихлянцев В.П. Новый библейский словарь: к русской канонической Библии синодального перевода 1876 года, версия 08.04.2016. М., 2016. URL: https://gufo.me/dict/bible_vihlyantsev/Amos (дата обращения: 28.08.2021).
7. Гончаров П.А., Гончаров П.П. «Природный человек» и проблема типологии героя прозы XX века // Актуальные проблемы преподавания гуманитарных дисциплин в школе и вузе: межвузовский сборник статей. Вып. 2. Мичуринск, 2005. С. 54–60.
8. Гончаров П.П., Гончаров П.А. «Царь-рыба» В.П. Астафьева: Образ Сибири как основа внутренней структуры. Мичуринск, 2012.
9. Гончаров П.А., Чербаева О.В. Сибиряк в персонажной сфере А. Вампилова // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 12. С. 180–191.
10. Максимов С.В. Сибирь и каторга: В 3 ч. Ч. 1. СПб., 1891. URL: https://bookscafe.net/read/maksimov_serгей_sibir_i_katorga_chast_pervaya-171195.html#p2 (дата обращения: 28.08.2021).
11. Письма В.П. Астафьева В.И. Ермакову (1971–1979) / под ред. В.М. Ярошевой; сост. М.М. Ермакова. Красноярск, 2018.
12. Сибирский характер как ценность: монография / под общ. ред. М.И. Шиловой. Красноярск, 2014.

References

1. Astafyev V.P. Sbranie sochinenii [Collected works]. In 15 vols. Krasnoyarsk. 1997–1998.
2. Astafyev V.P. Ill tell myself about myself. *Den i noch*. 2004. No. 1–2. Pp. 2–7. (In Rus.)
3. Astafyev V.P. Vsemu svoi chas [Everything has its own hour]. Moscow, 1985.
4. Astafyev V.P. A universal misfortune. *Slovo*. 1992. No. 9. Pp. 17–18. (In Rus.)
5. Astafyev V.P. Tverd i posokh: perepiska 1962–1967 gg. [Firmament and staff: correspondence 1962–1967]. Irkutsk, 2005.
6. Vikhlyantsev V.P. New Bible dictionary: to the Russian Canonical Bible of the synodal translation of 1876, version 08.04.2016. Moscow, 2016. URL: https://gufo.me/dict/bible_vihlyantsev/Amos (In Rus.)
7. Goncharov P.A., Goncharov P.P. “Natural man” and the problem of typology of the hero of prose of the XX century. *Aktualnye problemy prepodavaniya gumanitarnykh distsiplin v shkole i vuze. Mezhuuzovskii sbornik statei*. Issue 2. Michurinsk, 2005. Pp. 54–60. (In Rus.)
8. Goncharov P.P., Goncharov P.A. «Tsar-ryba» V.P. Astafeva: Obraz Sibiri kak osnova vnutrennei struktury [“The Tsar Fish” by V.P. Astafiev: The image of Siberia as the basis of the internal structure]. Michurinsk, 2012.

9. Goncharov P.A., Cherbaeva O.V. Siberian in the character sphere by A. Vampilov. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii. Elektronnyi nauchno-prakticheskii zhurnal*. 2015. No. 12. Pp. 180–191. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2015/12/61820> (In Rus.)
10. Maksimov S.V. Sibir i katorga [Siberia and penal servitude]. In 3 parts. Part 1. St. Petersburg, 1891. URL: https://bookscafe.net/read/maksimov_serгей_sibir_i_katorga_chast_pervaya-171195.html#p2
11. Pisma V.P. Astafeva V.I. Ermakovu (1971–1979) [Letters by V.P. Astafyev to V.I. Ermakov (1971–1979)]. V.M. Yaroshevskaya, M.M. Ermakov (eds.). Krasnoyarsk, 2018.
12. Sibirskiy kharakter kak tsennost [Siberian character as a value]. M.I. Shilova (ed.). Krasnoyarsk, 2014.

Статья поступила в редакцию 30.08.2021, принята к публикации 20.09.2021

The article was received on 30.08.2021, accepted for publication 20.09.2021

Об авторах / About the authors

Гончаров Петр Андреевич – доктор филологических наук; профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Социально-педагогического института, Мичуринский государственный аграрный университет

Petr A. Goncharov – ScD in Philology; Professor at the Department of Social and Humanitarian disciplines, Social and Pedagogical Institute, Michurinsk State Agrarian University

E-mail: goncharovpa2015@yandex.ru

Щербакова Вероника Аркадьевна – учитель русского языка и литературы, Заворонезская средняя общеобразовательная школа, Мичуринский район, Тамбовская область

Veronika A. Shcherbakova – Teacher of the Russian Language and Literature, Zavoronezhskaya school, Michurinsk district, Tambov region

E-mail: weronikapoluschkina@yandex.ru